УДК 316.752 + 008

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ И «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

К.Е. Ситниченко

Статья посвящена перспективам цивилизационного диалога в современных условиях на примере культурного диалога между «Россией № 2 (Русским Зарубежьем)» и европейской цивилизацией в 1920-1930 годы прошлого века.

Ключевые слова: цивилизация, Русское Зарубежье, диалог, культура, идентичность.

Современная эпоха – эпоха глобализации, её экспансия все явственнее сказывается во всех сферах общественной жизни. Стираются рамки национальных, культурных, религиозных и иных отличий современных сообществ. Формируется понятная всем сленговая составляющая языка. Глобализация, усложняя отношения между социальными сообществами и мировыми субъектами, все более активно определяет необходимость согласования национальных интересов для развития эффективного сотрудничества. В результате формируется противоположная тенденция – регионализация. Данное диалектическое противоречие актуализирует новые проблемы. И его разрешение состоит в принятии неизбежности этих двух тенденций, в понимании проблемы эффективности взаимодействия между отдельными странами и культурами, способности разных культур к плодотворному реагированию на исторический вызов времени. То есть успех интеграционных процессов зависит от культурно-цивилизационной совместимости социально-политических партнеров. Одним из примеров данной совместимости – диалога – стало такое культурно-общественное явление, как «Русское Зарубежье».

Образованный после 1917 года эмигрантами как культурная диаспора европейский сегмент «Русского Зарубежья» обогатил мир учеными, медиками, военными, строителями, инженерами, вынужденно выехавшими из России. Их культурный диалог с обществами стран-реципиентов имел различную интенсивность в зависимости либо от условий пребывания в той или иной стране, либо исторических отношений с Россией, либо от специфики региональной диаспоры. В наиболее крупных центрах его развитие шло по разным направлениям: наука, искусство, язык, экономика, повседневная культура.

В первую очередь, вставал вопрос сохранения родного языка в условиях инокультурного пространства и приобщение экспатриантов к иностранному, как безусловной необходимости для повседневной жизни. Сохранение языка обеспечивалось самим диаспорным сознанием и формированием институциональной образовательной системой, основанной на прежней – дореволюционной. Некоторые образовательные и просветительные центры, созданные трудами российских эмигрантов, стали очагами международного культурного общения и влияния: Политехнический институт и Русский народный университет в Париже, Русский юридический факультет и Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге и другие высшие учебные заведения. Особенно это проявлялось в дружественных России славянских странах: Чехословакии, Югославии, отчасти в Болгарии, Польше. Конечно, нельзя идеализировать отношения между эмигрантами и гражданами славянских государств, особенно определенное время входивших в состав Императорской России – Польша, но, несмотря на предвзятость, существовало тесное общение с польской творческой интеллигенцией (Ярослав Ивашкевич). Кстати, данный феномен славянского диалога в условиях особой политической ситуации Польши, строящей независимое государство, является своеобразной отповедью современным русофобам. Еще Н.Я. Данилевский отмечал, что, несмотря на религиозные, культурные, исторические различия возможна в перспективе всеславянская конфедерация, как условие объединения всех славянских народов. Также наблюдалось такое явление, как русификация иностранцев, вовлеченных в жизнь русской диаспоры (например, во Франции). Эмигранты выступали в качестве проводников русской культуры за рубежом и общеевропейской в среде русской эмиграции.

В процессе адаптации существовала определенная угроза о которой говорил П.Е. Ковалевский, предостерегавший русское эмигрантское сообщество от двух явлений, которые создавали определенную проблематику самому существованию Русского мира за рубежом – денационализации и аккультурации. Если второе он считал как вынужденное условие существования в инокультурном пространстве, то по вопросу денационализации

прямо отмечал о необходимости его прямого избегания. Адаптация как приспособление к новым условиям за рубежом независимо от условий выезда из России означала вынужденную или добровольную аккультурацию эмигранта, то есть его приобщение к культуре принимающего общества, но при сохранении норм своей этнокультуры. Эмигрантское культурное влияние было во многом созвучно европейскому миру, хотя и воспринималось по-разному в разных сегментах иностранного социума в зависимости от его политической или ментально-психологической специфики. Ведущие европейские страны и, в частности, США оказались достаточно восприимчивы к таким культурным явлениям, как русский балет, музыка, живопись, причем это не следует рассматривать только как моду в рамках массовой культуры. Через универсальный язык музыки и танца происходило соединение эмоций и идей российского и иностранного культурного пластов, вслед за которым шли более конкретные культурные и интеллектуальные влияния.

Значительными культурными явлениями становятся выставки русских художников-эмигрантов: М.З. Шагала, Н.С. Гончаровой, Б.Г. Григорьева, М.Ф. Ларионова, В.В. Кандинского и других. Данные события свидетельствуют о паритетных, дружественных взаимоотношениях местных художников и художников-эмигрантов, об их взаимовлиянии и перспективах долгосрочных отношений. Можно много приводить примеров о деятельности и вкладе в мировую культурную сокровищницу Ф.И. Шаляпина, И.Ф. Стравинского, танцоров русского балета: А.П. Павловой, О.О. Преображенской, Т.П. Карсавиной, В. Нижинского и других представителей русской художественной школы. Всемирную известность получили ансамбли народной песни и танца, например казачий хор С.А. Жарова. Русское искусство (живопись, музыка, театр, балет), привнесенное в западный культурный мир становилось формой обращения российской эмиграции к мировому сообществу, возможностью его пропаганды и влияния на мировую культуру.

Достаточно сложными были взаимоотношения между Европой и Россией в области литературного жанра, особенно поэзии. Русская литература, сама по себе своеобразная по психологической насыщенности страстей, была достаточно сложна для понимания среднестатистическим европейцем. Произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого были доступны для восприятия лишь определенному кругу интеллектуалов Европы. Сложным был вопрос перевода русских произведений на иностранный язык, с передачей всех эмоций, характерных для русской литературы. Важную роль в распространении не только русской литературы, но и философии, политических идей и т.д. сыграли периодические издания, часть которых выпускалась на языках принимающих стран. В частности, благодаря именно периодике, И.А. Бунин стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Через эмигрантскую литературу формировался образ России в странах проживания, что способствовало налаживанию отношений с местным населением и восприятию русской самобытности.

Существенным для развития межкультурного диалога явилось преломление русским обществом образа самой Европы для европейцев через исследования, монографии русских ученых истории и культуры европейских сообществ в их историческом развитии. Именно русская философия, взявшая многие образцы из европейской общественной мысли, привнесла новое понимание философии от марксизма, модернизма, до нового религиозного ренессанса и философских исканий Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и т.д.

Российские эмигранты, адаптируясь в мире зарубежной науки и бизнеса, привносили в них традиции отечественной высшей школы и способствовали формированию очагов российской диаспоры (например, заводы И.И. Сикорского в США). Именно эмигранты в США становятся инициаторами становления и дальнейшего развития русистики как нового научного исследовательского направления, тем самым обрисовывая перед западным обывателем значение русской культуры и языка и формируя образ России в глазах иностранного сообщества. Можно привести такие примеры, как Американская ассоциация развития славяноведения, председателем которой являлся Г.В. Вернадский, или основанный П.А. Сорокиным социологический факультет в Гарвардском университете, где он читал лекции об интегрализме культур и своеобразной концепции конвергенции России и США. Конечно, активность русских ученых, инженеров, военных за рубежом во многом была обусловлена потребностью выживания, но для них было и характерным желание реализоваться в профессиональной сфере для сохранения и приумножения собственного профессионализма и возможности внесения вклада в развитие стран, приютивших их в изгнании.

Таким образом, зарубежная русская наука, литература, философия, искусство становятся одним из элементов духовно-культурного пространства иностранной интеллектуальной элиты, вливаясь в орбиту многообразных мировых культур. Характерное для российского зарубежья стремление к сохранению собственной культурной идентичности обусловило особую активность эмигрантов в данном направлении: русские школы, библиотеки, издательства, театры создавались ими в Париже, Берлине, Праге, Сан-Франциско. В то же время вынужденное пребывание за границей способствовало удовлетворению того живого интереса к европейской литературе и искусству и стремления к культурному универсализму, которые существовали в российском образованном обществе в дореволюционное время. В 1920–1930-е годы российские профессора читали, а российские студенты слушали лекции в университетах на тех языках, в странах которых они

располагались. Учащиеся русских школ и народных университетов совершали экскурсии в Лувр, по замкам Луары и т.п. Российская эмиграция 1920–1930-х годов создала своего рода плацдарм, опыт культурного взаимодействия с иностранными сообществами, на который опирались последующие миграционные волны. Если рассматривать постсоветский период, то российские диаспоры в целом утратили свою роль политической оппозиции метрополии, но сохранили свою значимость как проводники российской культуры, как своеобразный цивилизационный мост между Европой и Азией, о чем указывал Н.А. Бердяев.

К содержанию